

Елена Цвелик

Еврейская Атлантида

Елена Цвелик *Еврейская Атлантида*

Yelena Tselik *Yevreiskaia Atlantida*
(*Jewish Atlantis*)

Copyright © 2015 by Elena Tselik

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220-22-2

Library of Congress Control Number: 2015902271

Макет и подготовка к печати: M-Graphics Publishing © 2015

Дизайн обложки: Н. Коган © 2015

Фотографии в тексте — из архива автора и семьи Рабинович/
Нахманович, а также семьи Немировских и Wikimedia.org

M•GRAPHICS PUBLISHING, BOSTON, MA

 www.mgraphics-publishing.com
 info@mgraphics-publishing.com
mgraphics.books@gmail.com

Printed in the United States of America

Моей дорогой маме

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Семейный альбом	11
Штетл и его цадики	55
Рав	105

ОТ АВТОРА

 несколько лет назад, знакомясь с текстами авторов Тель-Авивского клуба литераторов, я увидела замечательное стихотворение Анны Файн, где были и такие строки:

*Прабабушка, мне не сыскать погоста,
Где кадиш над тобой читает липа.
Твое лицо задумчиво и просто
Покоится в тени дагерротипа.*

К тому времени наш семейный архив пополнился старинными фотографиями, на одной из которых была изображена моя прабабушка, Соня Красноштейн. О жизни ее было известно не так уж много, спросить было почти не у кого, и все же я начала поиски, и они увенчались успехом. Так появилась эта книга.

Не секрет, что наши предки вышли из штетла, и, хотя само слово «местечко» вызывает порой у людей негативные ассоциации (евреи там были унижены, бесправны, глубоко провинциальны), не стоит забывать, что жизнь его обитателей была построена на еврейских традициях. Местечки были островками целостного еврейского мира, разбросанного в океане чуждой цивилизации.

Голда Меир как-то сказала, что местечко — это не только унижение, антисемитизм и погромы, но и система ценностей, общинная этика, взаимопомощь, мужество и самопожертвование.

Евреи Брацлава, как, впрочем, и все остальные, жили по-разному — одни были довольно состоятельными людьми, другие едва сводили концы с концами, но община не давала

никому упасть. Действовали благотворительные общества, которые помогали бесприданницам выйти замуж, беднякам справиться Субботу, купить дрова на зиму, учить детей и лечить больных.

Эссе «Семейный альбом», знакомит читателя с историей семьи Красноштейн, чья судьба была неразрывно связана с Брацлавом в течение без малого двух столетий. Эпизоды из жизни героев и их потомков прослеживаются на фоне трагических событий времен гражданской войны, НЭПа, второй мировой войны, сталинских антиеврейских кампаний и эмиграции начала 90-х.

«Штетл и его цадики», являясь связующим звеном трилогии, рассказывает об истории раннего хасидизма и таких его дворов, как чернобильский и бреславский, о традициях брацлавской еврейской общины и о визите в Брацлав чернобильского цадика, рабби Довидла Тверского, который стал дорогим гостем в доме моего прадеда, Шмила Красноштейна.

Повесть «Рав» посвящена жизни и деятельности последнего брацлавского раввина, реб Мойше-Янкеля Рабиновича, и наиболее рельефно отражает духовную трагедию того времени (разрушение нравственных устоев, потерю веры) и противостояние силам зла человеком, не изменившим своему кредо в самых трагических обстоятельствах (во времена погромов Гражданской войны, сталинского террора и Катастрофы).

Книга иллюстрирована и насыщена интересным фактическим материалом, во многом новым для русскоязычного читателя, ибо взят он из частных архивов, прежде никогда еще не публиковавшихся.

Семейный Альбом

*Светлой памяти бабушки Бузи
И дедушки Нухима посвящается*

Я записываю все эти подробности, дорогие мои дети, чтобы вы знали, от каких людей вы приходите, а то завтра и послезавтра ваши дети и внуки не будут знать ничего о своих корнях, откуда они были родом, кто их деды и прадеды.

Гликель из Гамельна

Брацлав — моя Касриловка, Макондо и Хелм. Это мои далекие предки из гнезда рабби Нахмана, для которых весь мир — узкий мост; те родовитые ашкеназим, следы которых вы не найдете ни в одной еврейской энциклопедии, потому что они ушли, и некому поведать нам их тайны. Брацлав — моя Атлантида, град Китеж, моя Нешама.

Первое упоминание о городе в летописях относится к 1363 году, а в начале XVI века здесь начинают селиться евреи, свидетельством чего является купчая на приобретение имения Котенево евреем Михелем Шимонковичем, «мытником (таможенником — *Е. Ц.*) брацлавским и винницким». В середине XVI века, после разрушения города войском хана Давлет-Гирея, король Сигизмунд Август строит в Брацлаве замок и делает его резиденцией своего наместника. В 1564 году Брацлав, единственный город края, получает привилегии на основе Магдебургского права, а в 1566 году становится столицей Брацлавского воеводства.

Герб семейства Крассенштейн

Согласно семейному преданию, род Красноштейнов происходит из Баварии, и их фамилия является русифицированной версией немецкой фамилии Крассенштейн. Возможно, первые Красноштейны были финансистами, ювелирами или советниками баварского барона фон Крассенштейна, чей герб читатель может увидеть выше, и стиль их жизни был похож на стиль семейства Гликели из Гамельна, дочери торговца алмазами и преуспевающей деловой женщины XVII века, чьи бесценные мемуары донесли до нас аромат той эпохи.

Мы никогда не узнаем, как именно Красноштейны оказались в Брацлаве, но следы их появления там восходят к концу XVIII века, а имена купцов Аврома Хаима и Мойше Красноштейнов даже упоминаются в книге рабби Нахмана из Брацлава, «Сийах Шарфей Койдеш». Красноштейны отличались глубокой религиозностью и были пламенными приверженцами хасидизма. Одна из ветвей семейства проживала в Бердичеве, где проповедовал рабби Леви Ицхак, ученик Магида из Межерича и один из крупнейших цадиков своего поколения; другая поселилась в Брацлаве, где распространялось учение рабби Нахмана, правнука Баал Шем Това.

Портрет Исаака Хасида кисти Джейкоба Перски, который сохранился у его наследника Арье Крассенштейна, дает нам представление о том, как выглядели наши религиозные предки в более поздние времена, в конце XIX века.

Родственники Исаака Хасида («а Хусида»), братья Мордехай Бонштейн и Ицхак Красноштейн, уехали из России в Палестину в 1892 году и поселились недалеко от Хайфы, в небольшом городке Зихрон-Яков. Дети младшего брата Ицхака и его жены Матли в 1912 году переехали в Австралию,

Исаак Красенштейн Хасид
 Портрет работы Джейкоба Х. Перски

(Джейкоб Перски был владельцем артстудии в Атлантик Сити, Нью Джерси, и официальным фотографом и портретистом Франклина Делано Рузвельта во время его президентских кампаний 1932 и 1936 годов).

главным образом в Перт и Мельбурн, где и по сей день процветают их многочисленные отпрыски. Внук Ицхака, Гарри, вернулся в Эрец после провозглашения независимости и, будучи тренированным пилотом, много лет отслужил в рядах ВВС в качестве летчика-истребителя.

Несколько лет тому назад в музее Яд Вашем в Иерусалиме побывал наш австралийский родственник, Джефф Красноштейн, который собирал информацию о людях, приславших в музей данные о погибших во времена Холокоста Красноштейнах. Так начались наши совместные поиски и сотрудничество.

От Сони Красноштейн, моей дорогой прабабушки, остались субботние подсвечники старинной работы и изящное бриллиантовое колечко. Такие кольца Соня и Шмил дарили своим девочкам на совершеннолетие. В семье Шики,

Мемориальная доска установленная в честь семьи Красноштейнов (Бонштейнов), на стене их дома в Зихрон-Якове, Израиль.

Фото Михаила Красноштейна.

младшего сына, долго хранились два изысканных серебряных портсигара, остатки былой роскоши, но впоследствии и они куда-то исчезли.

Когда началась война, и немцы быстро продвинулись на Восток, бабушкины родители, которые не смогли выбраться из Брацлава, собрали все самое ценное, что удалось сберечь в лихие годы, и отправили дочери Бузе в Москву. Почта с Украины еще ходила, но Москву уже сильно бомбили, и бабушка Бузя побоялась идти за посылкой. Немцы стремительно наступали, дедушка отправил бабушку с папой в эвакуацию в Уфу, а, когда они вернулись, посылки и след простыл. Бабушка очень корила себя потом, что так и не взяла ее вовремя...

После войны мой дедушка, Нухим Вайсман, и сестра бабушки, Хана Барская, поехали в Брацлав разузнать о судьбе своих родных.

22 июля 1941 года немцы заняли город, а на следующий день начались расстрелы евреев и грабеж их собственности. Брацлав попал в румынскую зону оккупации, и 30 октября там было организовано гетто, в котором оказались Соня и Шмил Красноштейны.

Почему же они не уехали? Почему? Никто уже не ответит на этот вопрос... Вспоминает Муся Вайсман: «Когда фронт приблизился к Брацлаву, те, у кого были деньги, нанимали повозки у крестьян и уезжали; многие шли пешком. Молодым было легко, старым и больным ехать было бессмысленно». Власти делали все возможное, чтобы «не создавать панику» и пускали в ход ложные слухи, а людей, стремившихся эвакуироваться, объявляли паникерами и дезертирами.

На поезд можно было сесть, только имея эваколист, который выдавался далеко не всем (приоритетом пользовались госучреждения, затем шли дети, и только на третьем месте — старики свыше 60 лет), а, кроме того, до ближайшей железнодорожной станции, Вапнярки, надо было еще добраться.

Итак, Соня и Шмил остались в Брацлаве и, очевидно, продолжали жить в собственном доме, поскольку их улица входила в пределы гетто. Единственной из моих интервьюеров, который видел прадеда в живых осенью 1941 года, до начала массовых акций, была Муся Вайсман, в то время четырнадцатилетняя девочка. Стариков и подростков румыны брали на общественные работы, где они трудились до изнеможения и не получали ни гроша. Прадед Шмил Аронович и прабабушка Соня были уважаемые люди, и каким унижением для них было то, что их заставляли делать... Жить им оставалось недолго.

31 декабря 1941 года, в страшный мороз, фашисты погнали голодных и ослабевших узников гетто в концлагерь Печора, находившийся в тридцати километрах от Брацлава. Тех, кто не мог идти, по дороге расстреливали, девушек насиловали и убивали.

9 января 1942 года эсэсовцы отобрали среди оставшихся узников гетто пятьдесят человек, которых в тот же день расстреляли и утопили в Буге, а в феврале были проведены еще три акции: расстрел двухсот воспитанников еврейского детдома и 70 узников гетто (у пивзавода и мельницы Солитермана), среди которых были Соня и Шмил Красноштейны.

Вечная им память...

В 1970 году в Винницкой области поставили памятник на том месте, где находился лагерь Печора, один из самых страшных лагерей в румынской зоне оккупации. Надпись на иврите гласит:

«Здесь лежат евреи, безжалостно загубленные фашистскими убийцами, чьи руки обагрены кровью. Тысячи мужчин, женщин и детей умерли в Печоре ради прославления Имени Всевышнего с 1941 по 1944 год. Да проявит Всевышний милость к ним и отомстит за их кровь».

До войны в Брацлаве был еврейский детский дом, созданный при поддержке благотворительной организации «Джойнт». В июле 1941 года его решено было эвакуировать; детей привезли на станцию Вапнярка и посадили на поезд, идущий в Одессу. По дороге на юг состав с беженцами разбомбили, и многие воспитанники детдома погибли. Железнодорожное полотно было разрушено, поезда не ходили; стало известно, что немцы уже в Вапнярке. Сопровождавшая детей воспитательница, Матрена Георгиевна Шейкина, на свой страх и риск приняла решение возвратиться в Брацлав, собрала уцелевших сирот и привезла их на подводах в родные края (Матрена Шейкина, дочь священника и свояченица атамана Ляховича, чья банда, «Курень смерти», овладев Брацлавом 3 мая 1919 года, перебила за несколько часов сто евреев, была женой красного командира, еврея Шейкина, который воевал и дошел до Берлина). Матрена Георгиевна старалась сделать для этих детей все, что могла, но судьба ее воспитанников была предрешена. Морозным февральским утром 1942 года, на рассвете, каратели ворвались в детдом и погнали полураздетых, плачущих детей на берег Южного Буга, где их сбрасывали в заранее заготовленные проруби; неподалеку стояли автоматчики и достреливали тех, кто еще двигался. Как сказал очевидец этих страшных событий, узник гетто, Мойше Купершмидт, *«Дети детей наших детей обязательно должны знать...»*

Свидетелями акции карателей были и дети столяра Мажбица, проживавшие в гетто неподалеку от дома сирот. Благодаря усилиям семьи Мажбиц и при содействии Сохнута Украины погибшим детям на месте расстрела был поставлен памятник.

На стеле выбиты слова молитвы о мире, принадлежащей рабби Нахману из Брацлава:

«Да будет на то воля Твоя, Господи, Бог наш и предков наших, чтобы не стало в мире войн и кровопролития, чтобы наступил

всеобщий и прекрасный мир, да не поднимет народ на народ меч и не будет больше учиться воевать. Пусть все живущие во Вселенной познают великую истину: не для войн и раздоров пришли мы в мир, не для ненависти и зависти, не для злобы и кровопролития. Пришли мы в мир, дабы познать Тебя, благословенного веки.

Смилуйся же над нами. И пусть при нашей жизни сбудутся слова Писания: «И дам мир земле вашей, и будете спать ночами спокойно, истреблю всех лютых зверей и враг не поразит больше мечом землю вашу». — «Правосудие хлынет волною морскою, праведность — бурной рекой»... «И наполнится земля богознанием, как водами до краев наполнено море».

* * *

Прабабушка Соня Радбель, в замужестве Красноштейн, имела безупречный вкус, вещи выписывала из-за границы; в доме был антиквариат и изысканные украшения. Известно, что родители ее были людьми весьма состоятельными и воспитание ей дали отменное. Родные Сони жили в Одессе, занимались экспортом зерна, а кроме того, имели магазин ювелирных изделий на Дерибасовской. Бабушка Бузя рассказывала, что не Шмил Аронович, а именно Софья Моисеевна, удачливая и умная женщина, вела семейный бизнес. В доме были горничная и кухарка, а Соня распоряжалась в магазине, который пользовался популярностью у состоятельных брацлавчан и жителей окрестностей.

У Красноштейнов всегда можно было купить хорошие вина, сигары, прованское масло и другие колониальные товары, и выручали они вполне достаточно. К тому же Шмил Аронович был агентом белостокских фабрикантов, закупал для них шерсть и меха, а домой привозил качественную мануфактуру, модную обувь и изделия из серебра и золота.

Магазин находился в центре города, и туда время от времени наведывался местный урядник. Как только хозяева

отлучались на минутку, полицейский вынимал из корзины приглянувшуюся ему коробочку шоколада или сардин и прятал ее за пазуху. Его благородные манеры были хорошо известны именитым горожанам, и все над ним добродушно посмеивались.

От моего прадеда Шмила Ароновича, гильдейского купца, остался раритет: бутылка кошерного вина, которую он привез из путешествия в Палестину в начале XX века, и несколько серебряных полтинников, заботливо сбереженных бабушкой.

Имя его, «Красноштейн Шмуль Арон»,¹ как и имена брата Мордехая и невестки Баси, стоит в бизнес-справочниках Юго-Западного края за 1907 и 1914 годы. Племянница Шмила Ароновича, Сура Мордковна Красноштейн, имела в Брацлаве аптеку и продавала разнообразную косметику, а ее кузина, Сося Иойловна, была владелицей москательной лавки в местечке Бар. Семья вела торговлю мануфактурой, бакалей, галантереей и солью, а имя прадеда братьев упоминалось еще в перечне купцов третьей гильдии Брацлава за 1832 год.²

Согласно купчей крепости, составленной брацлавским нотариусом Данилевским 9 июня 1904 года, наш прапрадед, Арон Хаймович Красноштейн, продал свое недвижимое имущество, усадебное место с домом площадью в 30 квадратных сажен и другими надворными постройками, Красноштейну Волько Ароновичу. По фасаду дома находилась торговая площадь, сзади — переулок, справа — дом Говия-Лузера Брацлавского и слева — дом лавки Тарасовых.

Стряпчий взял за услуги гонорар в сумме 250 рублей плюс пошлину и все расходы по совершению купчей. Бумаги по сделке подписали свидетели: Янкев Арн Шпак, Абрам Клебанер Авигдоров и Юхель Мойше Гойшиевич Бжелянский.

¹ «Весь Юго Западный Край. справочная книга», Киев, 1913 год, стр. 948

² В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович: «100 еврейских местечек Украины», Санкт-Петербург, 2000, стр. 172

Волько, брат Шмила Ароновича, проживал тогда в доме Этл (Эстер) Красноштейн, хозяйки, матери и любимой бабушки большого семейства, которая ушла через год после продажи дома, простудившись в канун Песаха и так и не оправившись от воспаления легких. И когда у ее невестки Сони через пару лет родится младшая дочь, именно эту девочку назовут в честь покойной бабушки — Этл.

Семья Красноштейн была большой и дружной. Соня и Шмил имели четырех дочерей: Хану, Бузю, Гитю и Этю, и двух сыновей: Шику и Михла. Репутация дома была безупречной: бабушка с гордостью вспоминала о том, как у ее родители останавливался чернобыльский цадик, реб Довидл Сквирер (Тверский), во время его визита в Брацлав.

Младший брат Бузи, Михл, был на редкость смышленным мальчиком и всеобщим любимцем. Он утонул, купаясь в Буге, когда ему было девять лет, и от этого удара родители никогда не оправились. Этя умерла от дизентерии во время одного из погромов, в гражданскую, когда Красноштейнов прятали у себя в подвале соседи Калашниковы, а Гитя вскоре покончила собой. Бабушка почти никогда об этом не рассказывала, а мы старались ее не расспрашивать.

Первый погром произошел в Брацлаве в январе 1918 года: его устроили солдаты расквартированного в городе Кубанского полка. Тогда бандитов удалось остановить отряду самообороны под руководством бывшего фронтовика, георгиевского кавалера, Самуила Мееровича Спектора. Этот отряд был вскоре расформирован по приказу местных властей. Как отмечала газета «Дер Эмес», с мая 1919 по март 1920 года Брацлав пережил 14 погромов.³ Согласно данным «Багровой Книги» С. И. Гусева-Оренбургского, число евреев, убитых в то страшное время в городе, составило 239 человек. Погромы, совершаемые бандитами, сопровождались особой, бес-

³ В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович: «100 еврейских местечек Украины», Санкт-Петербург, 2000, стр. 180

смысленной жестокостью. Вспоминает историк Николай Полетика: «В Брацлаве у евреев, подвешенных за руки, отсекали саблями куски тела, других подвешенных поджаривали на кострах»⁴...

Как и все юные барышни того времени, бабушка имела альбом, где хранила открытки и фотографии поклонников с персональными посвящениями. До нас дошли только три

Буза Красноштейн.
Фото из архива семьи Вайсман.

из них: две, подаренные ее женихом, Давидом Ульяницким, в 1916 году (карточка с изображением Льва Толстого и надписью: «Бузе в мой альбом. Дачник», и их совместная фотография с кузенком Радбелем и веселым посвящением Давида), а третья — от моего дедушки Нухима из армии («В знак чистой и вечной любви дарю сию карточку моей милой и любимой Бузе. Нухим», 19.09.12, Остров). Нухим был влюблен в Бузу с давних пор, но она не отвечала ему вза-

имностью, ибо сердце ее принадлежало другому.

История бабушки и Давида была очень романтической: они любили друг друга с юности, долго встречались, и Давид неоднократно делал ей предложение, но бабушка ему отказала.

⁴ Николай Полетика «Воспоминания», Москва (подпольная перепечатка с эмигрантского издания 1978 года) стр. 14: <http://e-lib.info/book.php?id=1121020121&p=13>

Мы никогда не узнаем, что произошло между ними; мама говорила, что бабушка опасалась влияния сестер Давида на их жизнь, поскольку у нее перед глазами был пример Ханы, муж которой, Мендель Барский, уделял заботам о своих сестрах слишком много внимания, в то время как на плечи Ханы обрушивались все хлопоты по хозяйству.

Давид происходил из состоятельной семьи, он закончил гимназию и бухгалтерские курсы в Одессе и имел хорошую работу в банке. Имя его матери, Симы Ульяницкой, владелицы магазина мануфактуры в Брацлаве, упоминается в справочнике «Весь Юго-Западный край» издания 1914 года.

Младшие сестры Менделя, Сойбель, Соня и Поля, получили хорошее образование и до войны жили в Киеве, где и устроили свою судьбу, а старшая, Сося, вышла замуж за Арона Брацлавского и переехала в Ленинград. В июне 1941 года Шуня Каган и Гриша Шапиро, мужа Сойбель и Сони, ушли на фронт, а муж Поли, Михаил Зак, был оставлен местным обкомом партии на подпольную работу.

Я помню его портрет, который нам показали родственники в Риге: красавец-мужчина в стиле Гетсби, с безукоризненной внешностью и взглядом, исполненным чувства собственного достоинства. Михаил Зак, по специальности инженер-механик, свободно владел немецким и даже сопровождал министра Иностранных дел СССР Молотова во время его визита в Германию в 1940 году. Он был опознан случайным знакомым на улице, в Киеве, и застрелен на месте...

Сойбель и Поля с сыновьями оказались в эвакуации и после войны переехали в Ригу. Выпускница Киевского Университета, Сойбель Иосифовна (Себа) Барская, преподавала математику в школе и была удостоена звания «Заслуженной учительницы Латвийской ССР». Ее муж, Шуня (Шимон) Каган, военный инженер, друг Сюмы Немировского и Мили Уманского, о которых еще пойдет речь, сделал успешную

карьеру в военном ведомстве Риги. Соня Барская активно занималась научной работой и, вернувшись из эвакуации, получила направление в ЦАГИ; в середине сороковых ее семья переехала в Москву.

Мендель и Хана Барские были учителями, оба до революции закончили гимназию и педагогическое училище в Одессе. Семейное предание говорит о том, что Хана, большая умница, хотела продолжить учебу во Франции, но дедушка Шмил был непреклонен, и, несмотря на мольбы и слезы Ханы и Бузи, не отпустил дочь. Мендель Барский преподавал русский язык и историю, а Хана учила детей в начальных классах. Их дочь, Дина, вспоминала впоследствии каким уважением пользовались родители: ученики называли Менделя не иначе, как «господин Барский», а когда семья переехала в Ленинград и поселилась в коммуналке, дети соседей обращались за помощью в решении математических задач только к нему. Милая, улыбчивая, интеллигентная Хана, «а тайере нешумэ» (душенька), как называла ее бабушка Бузя, помогла Менделю поднять на ноги сестер, дать им образование и вырастить собственных детей

Во время войны семье Барских удалось выбраться из блокадного Ленинграда, но до Ташкента добрались только Хана с Диной: Мендель умер по дороге от перитонита, ослабленный организм не перенес той буханки хлеба, которую он начал есть. Тело Менделя приказали вынести на первой же маленькой станции в степи, и никто не знает, где он похоронен. Дину и Хану приютила и обогрела племянница моего дедушки Нухима, Аня (Хонця) Краснер, благодаря которой они выжили. Аня спасла жизнь не только Ханы и Дины, но и всей своей семье. Как только началась война, Аня собрала семейный совет и убедила родных бежать от немцев. Они бросили все и на подводах уехали из Брацлава. Поезд, шедший на восток, разбомбили, и семье пришлось долго скитаться, пока они добрались до Кировограда, а оттуда, в товарных вагонах, через Харьков, — в Ташкент.

Соня и Шмил Красноштейны, Брацлав, конец 20-х.
Фото из архива семьи Вайсман.

Нухим Вайсман
на военной службе.
г. Остров, 9 декабря 1912 г.
Фото из архива семьи Вайсман.

Слева направо:
Давид Ульяницкий и
Радбель-младший с кузиной
Бузей Красноштейн на даче.
Брацлав, 1917 год.
Фото из архива семьи Вайсман.

Давид видел сомнения Бузи и предлагал ей уехать с ним в Польшу или Румынию, подальше от страны Советов и сестер, но бабушка колебалась, не хотела расставаться с родными, так как понимала, что никогда уже их не увидит. В конце концов она приняла решение, что не выйдет за Давида; получив отказ, молодой человек вернулся в Одессу. Известно, что бабушка два дня не выходила из дома. Теперь она была свободна.

Бузя нравилась многим молодым людям: за ней пытался ухаживать Натан Штернгарц (потомок рабби Натана, ученика рабби Нахмана), приятели ее кузена Радбеля, молодые адвокаты и доктора из Одессы, но самым верным и преданным человеком всегда был Нухим Вайсман, и, когда он предложил ей руку и сердце, Бузя согласилась. Для родных Нухима это был, как говорили в те времена, «кувэд» (почет): помимо того, что Бузя происходила из весьма состоятельной семьи, она была первой красавицей Брацлава. Нухим, в свою очередь, считался самым интересным мужчиной в городе. Это была красивая пара, и они прожили в любви и согласии много счастливых лет.

Давид впоследствии женился на женщине по имени Таня, деловой и практичной особе. Официально она нигде не работала, но посвященные знали, что Таня торгует недвижимостью. Давид служил в банке, его мучила язва, Таня за ним ухаживала; подрастали две девочки, каждое лето семья выезжала на дачу

Слева направо:
Мендель, Бузя и Хана. г. Одесса, 1911 г.
Фото из архива семьи Вайсман

в Аркадию. Началась война, и во время одной из первых бомбежек Одессы погибла их старшая дочь. Семье удалось вовремя эвакуироваться и в конце войны даже вернуться домой. Квартира на Пушкинской уже превратилась в коммунальную, но у Давида с женой оставались две чудные комнаты и отдельная ванная.

Давид и Бузя не забывали друг друга, и все годы состояли в переписке. В конце семидесятых, вскоре после смерти жены, Давид Григорьевич Ульяницкий приехал в Москву и предложил Бузе уехать вместе с ним в Америку. Бабушка не хотела и не могла нас оставить и отказалась.

Летом того же года мы с подругой гостили у Давида Григорьевича в его квартире на Пушкинской, в центре Одессы. Давид, весьма элегантный джентльмен даже по тем временам, жил у дочери на даче и время от времени нас навещал. Однажды он пришел на чашку чаю, как всегда безукоризненно одетый, мы о чем-то разговорились, и вдруг он пристально посмотрел на меня и сказал: «У Вас такие глаза! Как у бабушки...» Мы тепло попрощались, и больше я никогда его не видела.

Давид с семьей уехал в Америку в конце 1978 года, обосновался в Нью-Йорке, но бабушку не забывал, присылал ей письма и подарки; именно ему мы обязаны тем, что получили в те нелегкие времена несколько приглашений из Израиля. Давид ушел из жизни в 1988 году в возрасте 93-х лет; его внуки, Валя и Леня, с семьями, проживают в Нью-Йорке и Нью-Джерси.

Но вернемся к дедушке Нухиму.

Известно, что он был коен, рано потерял отца, и, когда подошел срок, был призван на военную службу. Воинская часть, в которой он служил, находилась в городе Острове (много лет спустя, в 1976 году, мой будущий муж, Алексей, как и другие студенты Московского Физтеха, проходил военные сборы в том же городе).

Это история города, движения, людей и событий, написанная ясно, четко и с поразительной глубиной, с редким проникновением в тему, с удивительной живостью и очевидным энциклопедизмом. Просто великолепный по содержанию и исполнению текст. Рекомендую его прочитать обязательно, поскольку он и хорош, и познавателен, и поучителен, и энциклопедичен.

Илья Абель

Здесь есть все. И новые поразительные факты. И чувство признательности и любви, которое водило талантливым пером автора. И подбор фотографий. И великолепный тон, в котором выдержано повествование. А какую колоссальную работу проделал автор, чтобы мы могли узнать о цадиках и мудрецах, то, что не знали и не узнали бы никогда, если бы не эта книга!

Соня Тучинская

Благословенное перо! Такие книги должны оставаться в наследство нашим детям, ибо это то, что свято.

*Натан Лехтман,
Мария Вайсман*

ISBN 978-1-940220-22-2

9 781940 220222

